

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОДНОГО ПИСЬМА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.П. ШИШКИНА «ПИСЬМОВИК»)

Лисова О.О.

*Лисова Олеся Олеговна – аспирант,
филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы жанровой природы произведения М.П. Шишкина «Письмовник»; произведен анализ одного из писем в составе романа, с точки зрения лингвистического описания его субъектной организации, показана взаимосвязь между субъектной организацией текста и жанровой идентификацией художественного произведения.

Ключевые слова: эпистолярный роман, письмовник, М.П. Шишкин, субъекты текста, современный роман.

Целью настоящей статьи является лингвистическое описание субъектной структуры письма в романе М.П. Шишкина «Письмовник». Вопрос о субъектной организации произведения тесно связан с проблемой жанра, которой могла бы быть посвящена отдельная статья. Здесь хотелось бы отметить, что произведение М.П. Шишкина выходит за рамки жанрового канона (роман в письмах), что отмечается многими учеными, однако исследователи не уделяют должного внимания ответу на вопрос о причинах такого нарушения канонов, кроме того, в научных работах практически отсутствуют попытки анализа жанрового определения, вынесенного в заглавие романа — письмовник. С нашей точки зрения, необходимо выявить границы (если они есть) между жанром «эпистолярного романа» и жанром «письмовника».

Письмовник – исторически издательский жанр, «собрание образцовых посланий», в том числе образцов официальных и неофициальных, светских и духовных писем [2, с. 80].

А.С. Демин пишет о том, что в составе письмовников можно встретить не только образцы деловых посланий, но и послания, которые можно считать литературными (например, «Послание дворянина дворянину») или в которых можно найти элементы литературности, что является примером «связи или тенденции к связи деловой письменности с литературой» [1, с. 90-100]. В связи с тем, что письмовник является издательским жанром, правомерно выделять фигуру составителя – или, по определению А.С. Демина, «книжника». Исследователь оговаривает важнейшую функцию книжника: «книжники обычно прочли письмовник на долгое и широкое употребление, отбирая, с их точки зрения, «общие», «вечные» темы для образцовых посланий и вытравляя детали, которые осознавались ими как неуместные следы прошлого» [1, с. 90-100].

Итак, жанр письмовника предполагает наличие составителя (книжника), который наделен правом отбора материала, его сортировки по принципу «нужное – не нужное», «вечное, общее» – «индивидуальное, частное». В этом, с нашей точки зрения, обнаруживается различие между жанром письмовника и эпистолярного романа. В эпистолярном романе коммуникация между двумя героями предполагает связь писем по типу «письмо» – «ответ на письмо», при этом фигура редактора может присутствовать, но не является обязательной. Если фигура редактора/комментатора присутствует в романе, то она является в предисловии или послесловии, и функция данного субъекта – «актуализировать в поле читательского восприятия информацию о том, как данная переписка попала к автору и при каких обстоятельствах она публикуется» [3].

Очевидны различия в функциях, выполняемых данными субъектами: задача редактора в эпистолярном романе – дать читателю сопутствующую информацию о тексте, он не может менять структуру текста, отбирать письма, в то время как составитель письмовника наделен этими полномочиями и приближен в этом смысле к автору с той разницей, что автор может создавать собственный текст, а составитель может только структурировать отрывки, письма, тексты.

Таким образом, структура коммуникации для этих жанров будет различной, что определяется, во-первых, тем, что эпистолярный роман относится к художественной литературе, а письмовник — к нехудожественной. Во-вторых, наличие редактора и составителя также меняет структуру коммуникации.

Так, если мы будем рассматривать жанр письмовника, то обнаружим, что составитель и автор в данном случае максимально близки, поскольку составитель обладает правом изменять текст, выстраивать его структуру. Между тем, в самом тексте диалога нет, и текст не вступает в непосредственную коммуникацию со своим составителем.

В эпистолярном романе коммуникация выстраивается иначе: редактор зафиксирован (выражен) в тексте в предисловии, комментариях, послесловии или других элементах, он приводит письма без изменений, но излагает свою точку зрения (приближенную к авторской) о цели публикации писем (или другую информацию), он может вступать в одностороннюю коммуникацию с публикуемым материалом

(например, комментировать). Кроме того, если роман посвящен переписке двух людей, то необходимо говорить о коммуникации между героями писем. Т. е. в случае с эпистолярным романом мы имеем вариант усложненной коммуникации, о которой пишут исследователи. Например, М.Я. Сорникова пишет о том, что «эпистолярной прозе свойственно условное двойное авторство: наряду с автором произведения, существуют и «авторы» приводимых в нем писем. Во-вторых, двойная адресованность: произведение одновременно обращено к явленному в тексте адресату и к имплицитному читателю, публике» [4, с. 310].

Попытаемся определить жанр произведения М.П. Шишкина. Исследователи говорят о «Письмовнике» как об эпистолярном романе, и для этого есть основания: при первом прочтении читатель воспринимает текст как простую переписку двух влюбленных, т. е. текст строится по принципу «письмо – ответ на письмо», фигура редактора в тексте отсутствует. Однако затем читатель понимает, что письма не имеют данной связи, они не являют собой акт непосредственной коммуникации, т.к. герои живут в разных временных промежутках и не могут знать друг друга, т.е. переписка лишается статуса «реальности», что потенциально вводит фигуру составителя, который и организует данную невременную коммуникацию. Более того, в самих письмах Володи и Саши выделяется некий субъект, который обладает более широким кругозором по сравнению с героями. Данный субъект может быть выявлен за счет анализа лингвистических средств. Покажем это на примере первого письма Володи к Саше.

Адресант данного письма принадлежит к конкретной исторической эпохе, связан с историческим событием — Ихэтуаньским восстанием (около 1900 года). Читателю открывается эта информация в процессе чтения романа, в первом письме Володи к Саше отсутствует историческая конкретика. Получается, что герой (адресант) живет в конце 19 – начале 20 века, в дореволюционной России. Однако в письме, которое он пишет Сашеньке, упоминаются исторические явления, которые не могут входить в его кругозор.

Например, в первом абзаце упоминается «невинно убиенный цесаревич в матроске» [5, с. 9] — речь, вероятно, идет о цесаревиче Алексее Романове (1904—1918 гг.), самом известном «мальчике-цесаревиче», носящем матроску, в дореволюционной России, и расстрелянному без всякой вины в 1918 году (отсюда и «невинно убиенный»). Очевидно, что автор письма умер раньше, чем родился Алексей Романов.

Следующее временное несоответствие — упоминание известного в советское время плаката «Родина-мать зовет», созданного в период Великой Отечественной Войны в 1941 году. Очевидно, что временной план, в котором живет герой романа, ограничивает его возможности в познании истории: герой не может знать того, что произошло в будущем, его кругозор ограничен, соответственно, не может писать об этом, следовательно, в его письме, в его слове присутствует слово более знающего субъекта.

Однако в начале письма отсутствует включение в действие активного субъекта: текст организован односоставными безличными и неопределенно-личными предложениями, двусоставными предложениями без адресанта как субъекта, вовлеченного в события. Например, письмо начинается с безличного предложения с составным глагольным сказуемым («Оставалось только выбрать себе войну» [5, с. 9]), так же присутствует еще одно безличное предложение («Почему-то особенно бывает жалко невинно убиенного царевича в матроске» [5, с. 9]) и обобщенно-личное предложение («не успеешь толком газету развернуть» [5, с. 9]). Двусоставные предложения не относятся напрямую к адресату письма, т. е. автор письма не является активным участником действий. Можно предположить, что автор письма имплицитно включен в активные действия в первом предложении (о чем свидетельствует возвратная форма глагола, возвратное местоимение *себе*, возможно пропущенное местоимение *мне*), однако, мы не можем однозначно говорить, что автор письма (*Володенька*) мыслит себя активным субъектом в данном случае. Здесь мы сталкиваемся с двойной интерпретацией, оппозицией личного и общего, включенности или дистанции, отдаленности. Выбор односоставных предложений в данном случае является принципиально важным, так как они позволяют композиционно организовать подобное противопоставление. Очевидно, что в предложении «Оставалось только выбрать себе войну» субъект мыслится как активный, но не является таковым, в то время как если бы была выбранная другая синтаксическая конструкция (двусоставное предложение с активным субъектом), то читатель столкнулся бы фактической ошибкой или временным несоответствием. Таким образом, функция односоставных предложений в данном случае — ввести невременной план в повествование, время, недоступное героям, но доступное более знающему субъекту.

Анализируемое письмо похоже на рассказ или повесть, где есть повествователь, однако в данном случае функцию повествователя, обладающего более широким кругозором по сравнению с героем, берет на себя синтаксическая организация письма: от безличных и обобщенно-личных предложений, используемых в той части текста, которая информационно открыта только для читателя, но не для героев — следовательно, эти предложения организуют коммуникацию с читателем-адресатом; до активного

использования двусоставных предложений и определенно-личных односоставных предложений, которое приближает нас к сфере коммуникации героев.

Кроме того, что некий всезнающий субъект появляется в текстах писем героев, с его фигурой мы встречаемся в конце романа – он представлен как поп Иван, и ведет диалог с героем в «своем царстве». Кругозор попа шире, чем Володи: он знает все о его жизни и мыслях. Кроме того, поп говорит о том, что заканчивает писать свою книгу (т. е. то, что непосредственно представлено перед читателем), тем самым подтверждая мысль, что в коммуникацию героев вмешивался более знающий субъект, что не характерно для эпистолярного романа, где редактор может комментировать письма, но не наделен функцией «автора», т. е. не может редактировать, изменять письма, вставлять в них «свое» слово. Поп соотношен с составителем письмовника, что подтверждает и ряд особенностей: в своей последней фразе он использует древние формы «*бысть*», «*переплывши*», сопоставляет себя с писарем, сама его «должность» – поп, отводит нас к оппозиции, характерной для письмовников: оппозиции светского и духовного.

Таким образом, произведение М.П. Шишкина имеет жанровые особенности как эпистолярного романа (художественная форма, присутствует коммуникация между героями, организованная письмами), так и письмовника (наличие составителя, наделенного функциями автора).

Данный роман является сложно выстроенной полидиалогической структурой, поскольку помимо коммуникации между героями (вневременной и условной), между автором и читателем через текст, присутствует коммуникация между составителем (поп Иван) и героем (Володенька), между авторами писем и героями, о которых они рассказывают. Полидиалогическая структура объясняется сложной субъектной организацией текста, границы между субъектами в романе стираются, и читателю трудно отличить слово одного героя от слова другого (например, о быстром переходе между Сашей и героиней ее письма говорит К.А. Воротынцева, нами был показан переход между субъектом более высокого ранга (составитель, повествователь) и автором писем — Володенькой). Выявление меж субъектных переходов в тексте возможно путем описания лингвистических особенностей романа.

Список литературы

1. *Демин А.С.* Вопросы изучения русских письмовников XV—XVII вв. // Труды отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: Наука, 1964. Т. 20. С. 90-100.
2. *Зуева О.В.* Язык письмовников XV–XVI веков в системе старорусского письменного языка // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы): сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск / редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) (и др.) Минск: Изд. центр БГУ, 2011. С. 80–83.
3. *Рогинская О.О.* Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М, 2002.
4. *Сорникова М.Я.* Эпистолярная проза // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / (гл. науч. Ред. Н.Д. Тамарченко). М., 2008. С. 310.
5. *Шишкин М.П.* Письмовник. М.: АСТ, 2013. 412 с.